

УДК 913
ББК 66.4
П 54

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: АЗИ-
АТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ КОНТЕКСТ [Текст]: колл.
монография / науч. ред. проф. Л.Н. Гарусова. – Влади-
восток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2012. – 240 с.

ISBN 978-5-8044-1268-6; ISBN 978-5-9736-0215-4

В монографии исследуются экономические, политические и гуманитарные аспекты развития современного российского Дальнего Востока в контексте стратегии России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Интеграционные процессы в АТР, трансграничное сотрудничество и проблемы региональной безопасности рассматриваются в качестве факторов влияния на социально-экономическую и политическую ситуацию в Дальневосточном регионе. Анализируются актуальные вопросы экономического, политического и культурного взаимодействия стран АТР.

Издание адресовано специалистам-регионоведом, международникам, политологам и историкам, студентам, аспирантам и магистрантам, а также всем тем, кто интересуется вопросами развития Дальнего Востока и региональными процессами в АТР.

ББК 66.4

Ключевые слова: российский Дальний Восток, Азиатско-Тихоокеанский регион, интеграционные процессы, стабильность и безопасность, политическое, экономическое и гуманитарное сотрудничество.

ISBN 978-5-8044-1268-6

© Дальнаука, 2012

ISBN 978-5-9736-0215-4

© Издательство Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (Гарусова Л.Н.).....	5
Раздел 1. ЭКОНОМИКА РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ФАКТОР АТР.....	10
Предпринимательство на российском Дальнем Востоке в контексте интеграционных процессов в АТР (1990–2000-е гг.) (Гарусова Л.Н.).....	10
Экономическая модернизация Дальнего Востока в контексте отношений России со странами Северо-Восточной Азии (Козлов Л.Е.).....	35
Сравнительный анализ российско-китайских отношений: прогнозный сценарий (Вольвичук А.Б.).....	64
Предпосылки развития российско-южнокорейского делового сотрудничества в Приморском крае (Горбенкова Е.В.).....	79
Энергетические стратегии для «Южного потока» (конец 2011 – начало 2012 г.) (Котляр Н.В.).....	98
Анализ мирового опыта сотрудничества государственного сектора и частного бизнеса в сфере реализации социально значимых проектов (Комиссарова В.В.).....	116
Основные тенденции и проблемы инновационных преобразований и развития инновационного потенциала вузов (Николаева Л.А.).....	125
Раздел 2. РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК И АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС, БЕЗОПАСНОСТЬ, ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО.....	141
Региональный политический процесс: теоретические подходы к определению и исследованию (Фролова Я.А.).....	141

Интересы и угрозы национальной безопасности России в АТР: видение политической элиты и общественное мнение россиян (<i>Гарусова Л.Н.</i>)	157
Interests and Threats to Russia's National Security in Asia Pacific Region: View of Political Elite and Public Opinion (<i>Garusova L.N., Piginshcheva A.P.</i>)	167
Russian Federation in the Asian-Pacific region: national interests and the threats to national security in 21 st century (<i>Garusova L.N., Rudenko O.A.</i>)	174
Особенности гуманитарного сотрудничества российского Дальнего Востока со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (на примере КНР) (<i>Петрова Н.В.</i>)	183
Эволюция политики правительства Ли Мён Бака по отношению к КНДР на современном этапе (<i>Андреева Ю.В.</i>)	192
Современная политика США в отношении Северной Кореи: тенденции и перспективы (<i>Гарусова Л.Н.</i>)	200
Северокорейский фактор в американо-китайских отношениях (<i>Овсянникова В.В., Овсянников П.С.</i>)	211
Современное морское пиратство в Юго-Восточной Азии: теоретические и практические аспекты (<i>Лушай Д.В.</i>)	217
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (<i>Гарусова Л.Н.</i>)	230
ПРИЛОЖЕНИЕ	234
Исследование международных факторов экономической безопасности России на Дальнем Востоке (миграционный аспект): научно-исследовательский проект (<i>Гарусова Л.Н.</i>)	234
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	239

ВВЕДЕНИЕ

В условиях глобализации современный мир все больше зависит от национальных интересов и внешней политики азиатских и тихоокеанских стран. Экономический вес и политическое влияние Азиатско-Тихоокеанского региона делают перспективной (с точки зрения геоэкономики и геополитики) даже географическую принадлежность к нему любой страны. В связи с этим становится понятным позиционирование Россией себя в качестве тихоокеанской державы, несмотря на ее очевидные и исторически традиционные «атлантические» приоритеты. Проведение саммита АТЭС в 2012 г. в г. Владивостоке (Россия) является наглядным тому подтверждением.

Развитие интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе проявляется в растущей активности многосторонних объединений (АТЭС, ШОС, АСЕАН, АСЕАН плюс, АРФ, Шестисторонние переговоры по Северной Корее, Восточно-Азиатское сообщество и т.д.), в которых Россия участвует или к которым пытается подключиться. Российское правительство, президент и премьер-министр неоднократно заявляли, что участие России в региональных азиатско-тихоокеанских организациях и проектах будет способствовать встраиванию российской экономики в интеграционные процессы АТР и более эффективному использованию возможностей сотрудничества с Китаем, США, Японией, Республикой Корея и другими странами в интересах социально-экономического подъема Сибири и Дальнего Востока. В свою очередь, экономическое партнерство Тихоокеанской России со странами Северо-Восточной Азии и АТР может стать важным фактором региональной стабильности и безопасности.

Дальний Восток – это наиболее «встроенный» в азиатско-тихоокеанские трансграничные процессы регион России. Итоги реализации правительственных программ свидетельствуют о том, что расширилось экономическое сотрудничество со странами, прежде всего Северо-Восточной Азии. С начала 2000-х годов России удалось уд-

Раздел 1 ЭКОНОМИКА РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ФАКТОР АТР

Предпринимательство на российском Дальнем Востоке в контексте интеграционных процессов в АТР (1990–2000-е гг.)*

В настоящее время стало очевидным, что будущее мирового сообщества напрямую зависит от перспектив развития Азиатско-Тихоокеанского региона. Стремительный экономический рост АТР в 80–90-е гг. XX века, перспектива превращения его в центр мировой экономической и политической активности привели к пересмотру внешнеэкономических и внешнеполитических приоритетов многих стран, включая Россию. Тихоокеанская Азия в XXI веке является одним из центров мировой экономики и политики, и Российская Федерация активно позиционирует себя в качестве азиатско-тихоокеанской державы.

Северо-Восточная Азия (СВА) как важнейшая составная часть Азиатско-Тихоокеанского региона и ближайший географический сосед России является экономически наиболее динамичным, а политически крайне неоднородным регионом планеты. Четверть всего современного мирового ВВП приходится на Восточную Азию, демонстрирующую относительно высокую устойчивость к кризисным явлениям. Суммарный восточноазиатский ВВП достигает 75–80% от ВВП США и Европейского союза (ЕС). На три страны Северо-Восточной Азии (Японию, Китай и Республику Корею) приходится более 90% региональной экономики.

* © Гарусова Л.Н.

По многим прогнозам следующие 20 лет Азия будет выступать основным двигателем роста мировой экономики. В связи с этим обстоятельством даже простая географическая принадлежность любой страны к перспективному Азиатско-Тихоокеанскому региону может рассматриваться как её геополитический и геоэкономический бонус. Россия в этом смысле не является исключением. Несмотря на очевидные и исторически традиционные «атлантические» приоритеты своей внешней политики, Российская Федерация в настоящее время настойчиво позиционирует себя в качестве тихоокеанской державы. Проведение саммита АТЭС в 2012 г. в г. Владивостоке (Россия) является наглядным тому подтверждением.

Неравномерность экономического развития стран АТР оставила России шанс «влиться» в интеграционные процессы региона, занять определенную нишу в интеграционном сообществе. Особенности интеграционных процессов в АТР объективно создают для России весьма благоприятные экономические и политические возможности для регионального сотрудничества. К сожалению, «тихоокеанская составляющая» российской внешней политики как в 1990-е гг., так и десятилетием позже остается всё еще недостаточно весомой. «Азиатский вектор российской политики пока еще недостаточно развит. Мешают отсутствие политической воли, традиционный европоцентризм отечественного истеблишмента и существующие маршруты сбыта наиболее рентабельных товаров. Российские маршруты сбыта наиболее рентабельных товаров. Российская политика на азиатском направлении недостает активности, государственной поддержки развития экономических связей, включенности в механизм регионального сотрудничества и региональные организации безопасности (за исключением ШОС)»¹.

Географический фактор был и остается главным основанием считать Россию тихоокеанской державой. Российский Дальний Восток образует территорию, тяготеющую к тихоокеанскому побережью. Однако этот факт «не преобразуется автоматически в прочность российских позиций на Тихом океане»². Другими словами, Россия, с географической точки зрения являясь азиатско-тихооке-

¹ Бордачёв Т.В. Будущее Азии и политика России // Россия в глобальной политике. – 2006. – № 2. Март-апрель [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/19/5545.html>

² Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. – М.: Конверт, 1997. – С. 271.

Интересы и угрозы национальной безопасности России в АТР: видение политической элиты и общественное мнение россиян*

По мере развертывания интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе Россия как тихоокеанская страна все активнее декларирует свою заинтересованность в азиатско-тихоокеанском сотрудничестве и региональной стабильности. В свою очередь, политическое и экономическое партнерство России со странами АТР, а также региональная стабильность являются факторами национальной безопасности Российской Федерации в Пасифике и важным условием развития российского Дальнего Востока.

С начала XXI в. внешняя политика РФ официально сориентирована в сторону «многовекторности», что предполагает равную заинтересованность России в отношениях с Западом и Востоком, европейскими и азиатскими странами, США и Китаем. Однако очевидно, что взаимоотношения Москвы и Пекина сегодня развиваются более интенсивно, чем отношения России и других стран Восточной Азии, а также расширение двусторонней торговли, крупномасштабное сотрудничество в области энергетики, партнерство в рамках Шанхайской Организации Сотрудничества и т.д.

Понимая всю значимость для России взаимоотношений с ближайшим и крупнейшим азиатским соседом Китаем, все же, как представляется, Россия не должна ориентироваться на какую-то одну страну и тем более рассматривать свои отношения с ней как противоречит самой концепции многовекторности внешней политики Российской Федерации. Наиболее оптимальный вариант для России сегодня – сделать свои взаимоотношения с соседями по Азиатско-Тихоокеанскому региону, включая, разумеется, отношения с США и Китайской Народной Республикой, дополняющими друг друга и обеспечивающими региональную стабильность и национальную безопасность.

* © Гарусова Л.Н.

тический метод предусматривает не просто описание, но и анализ регионального политического процесса с выделением хронотаксонов, каждый из которых характеризуется трансформацией политических институтов и определенной расстановкой сил в регионе.

Пространственная динамика предполагает:

– во-первых, изменение пределов распространения регионального политического процесса, которое происходит под воздействием внешних факторов. Особую роль в этом играет милитарный фактор, способный в разных условиях значительно расширить зону функционирования политической системы или же сузить ее. По сути, милитарный фактор определяет устойчивость политической системы в определенных территориях;

– во-вторых, дифференциацию территории региона по степени интенсивности процессов и плотности политических явлений. Любой политический процесс вложен в конкретные пространственно-географические условия определенной территории. Одной из особенностей географического пространства является его неоднородность, что проявляется в различии от места к месту как количественных, так и качественных характеристик территории. Не являются исключением и политические процессы, которые имеют собственную логику «тяготения» к местам социальной активности региона: промышленные, культурные и политические центры, коммуникационные узлы, населенные пункты.

Таким образом, пространственно-временные изменения регионального политического процесса создают предпосылки для возникновения особой территориальной организации политического сообщества – милитарного района, который представляет собой уникальное сочетание политических характеристик и обладает системным единством политических особенностей.

Interests and Threats to Russia's National Security in Asia Pacific Region: View of Political Elite and Public Opinion*

While the Asia Pacific region is turning into one of the world's economic and political centers, Russia, being a Pacific country, is declaring more actively on her interests in cooperation, stability and security in the Asia Pacific region. In its turn, the partnership between Russia and the Asia-Pacific states is critical for ensuring Russia's national security and is an impetus to development of the Russian Far East (RFE). It would seem that the public opinion of the Russian Far East population, interested in economic and cultural ties with regional neighbors, could become a factor in development of Russia and North East Asia international cooperation.

2009 saw the Russian government approving "Strategy of National Security of the Russian Federation till 2020" (NSS) (approved by President's Decree # 537, 12 May 2009), a basic document targeted at formulating conditions for implementing Russia's national security. This official paper fully reflects Russian political elite's vision of Russia's national interests and threats to its national security, and is a core of Russia's contemporary foreign policy.

Unfortunately, the document does not consider security of the Russian Far East and the Asia-Pacific region as a priority. The new Strategy 2009, alike its predecessors, is only oriented towards Europe and the Atlantic (area). Among the mentioned geopolitical priorities are the Commonwealth of Independent States, European Union, the United States and NATO; the Asia-Pacific region is not even stated. Thus, nowadays as well as 20 years ago, the Russian government does not have its strategy in the Asia-Pacific region. This means that, despite public statements on the significance of the Pacific to Russia, the country does not possess clearly shaped political and economic directions (objectives) in the region.

Nevertheless, NSS strongly underlines the importance of the national economy growth, including one in the Far East; and that

ей, 35% – с Северной Кореей. На этом фоне менее оптимистично оцениваются перспективы российско-американских отношений. В их успешное развитие верят только 26% дальневосточников.

Восприятие дальневосточниками внешних угроз национальной безопасности и их «носителей» как тенденция совпадает с общероссийским общественным мнением. Угрозы национальным интересам России и ее Дальнего Востока жители региона, так же как и российское население в целом, видят в растущей экономической и военной мощи Китая (около 35%), а также в стремлении США к мировому доминированию, «гегемонизму» (почти 37%)²⁰⁸.

Однако есть еще один вопрос, связанный с национальной и международной безопасностью, особенно значимый, как представляется, именно для российского Дальнего Востока. Это ядерная угроза, связанная с ситуацией на Корейском полуострове. И здесь начинается то, что ставит нас в тупик.

Можно предположить, что именно северокорейская ядерная угроза является причиной постоянного беспокойства большинства людей, проживающих на российском Дальнем Востоке. Однако региональное общественное мнение решительно опровергает данное предположение. В среднем, менее 5% опрошенных в 2008–2010 гг. дальневосточников выразили озабоченность по данному поводу. Это гораздо меньше того, что выявили опросы общественного мнения в целом по России (18%). Что это – хладнокровие, безразличие, беспечность, недопонимание опасности, безысходность или нездоровый оптимизм? Социологам еще предстоит найти ответ на этот вопрос.

Таким образом, позиция российской политической элиты по вопросам национальных интересов, внешнеполитических приоритетов и угроз национальной безопасности не всегда совпадает с общественным мнением россиян. Общественное мнение дальневосточников заметно отличается от мнения элиты в части оценки региональных интересов России, ее внешнеполитических приоритетов и угроз национальной безопасности. Учет интересов и общественного мнения населения Дальнего Востока федеральными властями мог бы, как представляется, позитивно повлиять на внешнюю политику России в Пасифике, прежде всего в сторону действительного усиления ее многовекторности и диверсифицированности.

* © Garusova L.N., Piginicheva A.P.

²⁰⁸ Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Указ. соч. – С. 44, 46.

Russian Federation in the Asian-Pacific region: national interests and the threats to national security in 21st century*

Today, Pacific Asia is one of the centers of the world economy and politics. As predicted, the next 20 years Asia will be the primary engine of global economic growth. Due to this fact, even simple geography of any country in the promising Asian-Pacific region can be regarded as its geopolitical and geo-economic bonus. In this sense, Russia is no exception. Despite the obvious historical and traditional "Atlantic" priorities of its foreign policy, Russia is now strongly positioning itself as a Pacific power. APEC summit in 2012 in Russia, Vladivostok is a clear proof of that. The idea that the future of the global community depends on the development prospects of the Asian-Pacific mega region became axiomatic to most contemporary politicians and scientists.

North-East Asia (NEA), which is one of the most important parts of the Asian-Pacific region and the closest geographical neighbor of Russia, shows the most dynamic economic development along with strong political diversity. East Asia, showing a relatively high resistance to the crisis, accounts for quarter of the current world GDP. The total East Asian GDP reaches 75–80% of GDP in the U.S. and the European Union (EU). Three countries of Northeast Asia – Japan, China and South Korea account for more than 90% of the regional economy.

Development of integration processes in the Asian-Pacific region is reflected in the growing activity of multilateral organizations (APEC, Shanghai Cooperation Organization, ASEAN, ASEAN Plus, the East Asian community, etc.), in which Russia participates or tries to connect to.

The Russian government, the president and the prime minister have repeatedly said that Russia's participation in the regional Asian-Pacific activities will contribute to embedding Russian economy in the Asian-Pacific integration process and more efficient use of the possibilities of cooperation with China, U.S., Japan, Korea, ASEAN and other countries for socio-economic development of Siberia and the Far East.

However, despite all official statements, the Asian-Pacific "vector" of modern "multi-vector" Russian foreign policy is still underdeveloped. In 2009, the Government of Russia adopted a basic for foreign policy document – "National Security Strategy of the Russian Federation until 2020" aimed at creating conditions for ensuring national interests and national security. Unfortunately, this document has absolutely no indication of the Russian foreign policy priority in security in the Far East and the Asian-Pacific region. New Strategy to 2020, like all previous ones, is oriented toward Europe and the Atlantic. Some of the selected geopolitical priorities indicated in the document are the Commonwealth of Independent States, European Union, the United States, NATO, but the Asian-Pacific region is not even mentioned. Today, like more than 20 years ago, the Russian state has no Asian-Pacific strategy and lives without clear foreign political and economic targets in the region.

The potential of the Russian Far East in resources, energy, transportation, and innovative features, as well as the lack of understanding of the significance of the Asian-Pacific region by the Russian political elite are the reasons for only a minimal Russia's presence in the economy and politics of mega region.

Development of the Russian Far East in pre-Soviet period and during the Soviet era was directly related to the government support of its economy. Collapse of state development programs in the 1990s resulted in attempts to solve the problem of the socio-economic survival in the Far East by increasing exports of natural resources to the Asian-Pacific countries. Thus, the role of the Far Eastern region (and, accordingly, the role of Russia) in the Asian-Pacific integration process was determined as a raw peripheral participant. And today the government investment programs for the development of the Far East are barely fulfilled. For example, the President's Program for 1996–2005 has been implemented at 10% only.

Peripheral position of Russia on the Pacific Ocean can be seen in a number of indicators. For instance, the share of Russian commerce in the total foreign trade in the Asian-Pacific region has remained invisible over the past two decades – it has been less than 1%. At the same time, Asian-Pacific trading partners are of great importance for Russia. In the 1990s total Asian-Pacific component

* © *Garusova L.N., Rudenko O.A.*

Современная политика США в отношении Северной Кореи: тенденции и перспективы*

Смерть руководителя северокорейского государства Ким Чен Ира 17 декабря 2011 г. и переход власти к его преемнику – младшему сыну Ким Чен Ёну – оказались наиболее обсуждаемыми событиями в мировой политике на рубеже 2011–2012 гг. США не стали исключением в этом смысле. Администрация США, политики, ученые, политические обозреватели высказали свое мнение по вопросу о дальнейших перспективах северокорейского политического режима, двусторонних отношениях США – КНДР, ядерной и ракетной программах КНДР, а также ситуации вокруг Корейского полуострова и безопасности в Северо-Восточной Азии в целом.

Главный стратегический интерес Соединенных Штатов в отношении КНДР на протяжении последних 10 лет сводится к обеспечению безопасности своего военно-политического союзника и экономического партнера Республики Кореи, в том числе через денуклеаризацию Северной Кореи.

Администрация президента Барака Обамы с 2009 г. проводит в отношении КНДР политику, названную Госсекретарем Хиллари Клинтон «стратегическим терпением». Политика «стратегического терпения» направлена на сохранение самой возможности денуклеаризации Корейского полуострова и включает в себя, по мнению аналитика Исследовательской службы Конгресса США Марка Манина, четыре основных компонента:

1. Вашингтон и его союзники готовы «держать дверь открытой» на Шестисторонние переговоры по северокорейской ядерной программе, но не начнут их без твердых заверений Северной Кореи в том, что она предпримет «необратимые шаги» к денуклеаризации.
2. Шестисторонним и/или двусторонним переговорам США – Северной Корея должны предшествовать переговоры между Северной и Южной Кореями, а также улучшение самих «межкорейских» отношений.

3. США должны попытаться постепенно изменить китайские стратегические оценки Северной Кореи.

4. Следует возложить ответственность за военные провокации на Пхеньян посредством усиления санкций против элиты Северной Кореи, а также проводя американо-южнокорейские военные учения и расширяя сотрудничество с Японией.

В 2011 г. наметился определенный прогресс в переговорном процессе США и КНДР. Двусторонний диалог между Вашингтоном и Пхеньяном достиг своей высшей стадии, когда за день до смерти Ким Чен Ира специальный посланник США по правам человека в Северной Кореи Роберт Кинг в результате двухдневных (15–16 декабря 2011 г.) переговоров со своими северокорейскими партнерами в Пекине договорился о возобновлении американской продовольственной помощи. Было решено, что США предоставят 240 тыс. тонн продовольствия наиболее нуждающимся группам населения в Северной Кореи.

В ответ Северная Корея обязалась заморозить процесс обогащения урана на заводе в Йонбене, допустить на ядерные объекты контролеров из МАГАТЭ и принять рекомендации США, обязательные для возобновления многосторонних переговоров по денуклеаризации²³⁰. Любопытно, что именно на таких условиях США и КНДР возобновили свой диалог в ходе переговоров в конце февраля 2012 г.

Смерть руководителя северокорейского государства Ким Чен Ира 17 декабря 2011 г. прервала на два месяца американо-северокорейский переговорный процесс. Уже 19 декабря 2011 г. сразу же после получения известия о смерти руководителя КНДР Ким Чен Ира главные новостные программы американского телевидения и радио дали возможность высказаться ученым и политикам по данному вопросу. В подавляющем большинстве случаев первые отзывы американских экспертов не были критичными, но сдержанными, взвешенными и осторожными.

В том же духе были составлены и официальные заявления американского правительства от 19 декабря 2011 г. Так, в заявлении Госдепартамента США, озвученном Госсекретарем Хиллари Клинтон, говорилось, что Соединенные Штаты надеются на

²³⁰ Evans J.R. Revere. Re-Engaging North Korea After Kim Jong-il's Death: Last, Best Hope or Dialogue to Nowhere? Foreign Policy at Brookings. Policy Paper Number 29, January 2012 The Brookings Institution, Washington, D.C. – 22 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.brookings.edu/papers/2012/0111_north_korea_revere.aspx

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интерес к экономическим и политическим проблемам российского Дальнего Востока во многом объясняется тем, что данный регион является наиболее интегрированной в АТР частью России. Поэтому перспективны участия Российской Федерации в азиатско-тихоокеанских региональных процессах и проектах во многом зависят от международной успешности, социально-экономической развитости и политической стабильности Дальнего Востока. Расширение регионального экономического, политического и гуманитарного сотрудничества России с соседями по Азиатско-Тихоокеанскому региону – залог ее успешности и значимости для всего мирового сообщества.

В ходе изучения экономических процессов на российском Дальнем Востоке и в АТР исследователи пришли к заключению о том, что региональный экономический опыт соседей мог бы быть полезен российской экономике и должен быть востребован на российском Дальнем Востоке. Экономическая успешность России в АТР напрямую связана с транзитно-транспортными и энергетическими возможностями ее Дальнего Востока. При этом Россия не застрахована от конкуренции на рынке углеводородов со стороны соседних государств – бывших союзных республик СССР.

Наиболее значимыми для экономики Дальнего Востока России внешнеэкономическими партнерам являются страны СВА – Китай, Япония и Республика Корея. Трудно не согласиться с мнениями и оценками авторов монографии по данному аспекту:

– российско-китайское экономическое сотрудничество в пределах трансграничного региона Северо-Восточная Азия за последнее десятилетие вышло на уровень стратегического партнерства. На уровне правительств были скоординированы региональные программы развития российского Дальнего Востока и Северо-Востока Китая. В качестве стратегического приоритета соци-

ально-экономического развития дальневосточных территорий обеих стран был объявлен курс на объединение усилий в достижении главной цели: модернизация экономического потенциала и улучшение качества жизни людей;

– необходимым условием модернизации экономики Дальнего Востока и, прежде всего, добывающей и обрабатывающей промышленности как наиболее доходной ее части представляется кооперация с иностранными партнерами, поскольку ситуация в области НИОКР и управления высокотехнологичным производством в России складывается неблагоприятно;

– важнейшим партнером российского Дальнего Востока, в том числе в добывающей и обрабатывающей отраслях его экономики, может и должна стать Республика Корея. Являясь наиболее динамично развивающейся страной СВА, она и сама заинтересована в развитии всестороннего российско-корейского сотрудничества. Экономика Южной Кореи по состоянию на начало 2010 г. занимала 16-е место в мире по объему валового внутреннего продукта (по паритету покупательной способности) и 9-е место в мире по номинальному ВВП. Общий ВВП страны в предкризисном 2008 г. составил 1 312 млрд долл.; ВВП на душу населения вырос со 100 долл. в 1963 году до 27 100 долл. в 2008 г. Обращают на себя внимание не только абсолютные значения экономических показателей, но и их динамика.

Успешность России в АТР напрямую связана с ее внешнеполитической стратегией в регионе. В настоящее время федеральное правительство продолжает заявлять о важности интеграции России в АТР. Однако оно не осуществляет практических действий, стимулирующих трансграничное предпринимательство, в виде упрощения административных процедур, снижения транспортных тарифов и налогов, совершенствования инфраструктуры пограничных переходов. Центр фактически не рискнул использовать для развития Дальнего Востока механизм свободной экономической зоны в его классическом понимании. Дефицит иностранных инвесторов в любом случае беспокоит Москву меньше, чем стабильность политических систем дальневосточных регионов.

С начала XXI века внешняя политика Российской Федерации была официально сориентирована на «многовекторность», что предполагает равную заинтересованность России в отноше-